

Коновалов Д. Г. Магистерский диспут: [Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Серг. П., 1908. Ч. 1. Вып. 1: Физические явления в картине сектантского экстаза] // Богословский вестник 1909. Т. 1. № 2. С. 312–335 (2-я пагин.). (Окончание.)

Магистерскій диспутъ Д. Г. Коновалова.

(Окончаніе) ¹⁾.

2-е возраженіе П. П. Соколова было направлено противъ слѣдующихъ словъ на 4 страницѣ диссертациі: „Въ виду различія между отдѣльными случаями сектантскаго экстаза, объясняемаго не только естественнымъ разнообразіемъ въ его проявленіяхъ, но и неодинаковой полнотой въ описаніяхъ послѣднихъ,—начертаніе полной, всеобъемлющей картины религіознаго экстаза въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ возможно лишь путемъ сопоставленія всѣхъ извѣстныхъ случаевъ его обнаруженія, выдающихся въ какомъ-нибудь отношеніи; полная картина сектантскаго экстаза, такимъ образомъ, неизбѣжно должна быть сводной“. Исходя изъ того положенія, что всякая картина, даже въ томъ случаѣ, когда художественный образъ есть типъ, выражающій въ себѣ отвлеченную идею, предполагаетъ изображеніе непремѣнно чего-нибудь цѣльнаго, индивидуальнаго и конкретнаго,— П. П. заявилъ, что въ диссертациі, гдѣ собраны „на протяженіи почти трехъ столѣтій“ всевозможные случаи сектантскаго экстаза, заимствованные у представителей различныхъ мистическихъ сектъ, и перемѣшаны между собой, а наблюдаемая въ нихъ явленія описаны, какъ симптомы одного и того же состоянія, съ распредѣленіемъ по группамъ, чередующимся въ опредѣленномъ порядкѣ, онъ не находитъ

¹⁾ См. „Богословскій Вѣстникъ“, 1909, январь, 152—168 стр.

картины сектантскаго экстаза. Если проявленія сектантскаго экстаза отличаются „естественнымъ разнообразіемъ“, если, другими словами, его формы индивидуальны, то о немъ нельзя дать конкретнаго понятія путемъ простого „составленія всѣхъ извѣстныхъ случаевъ его обнаруженія“: „картина“ экстаза не можетъ быть „сводной“. Художникъ поступилъ бы совершенно противоестественно, еслибы вздумалъ сочетать въ своемъ изображеніи черты различныхъ историческихъ эпохъ и обстановокъ, различныхъ бытовыхъ и психологическихъ положеній, еслибы, напр., желая изобразить на своей картинѣ полководца, взялъ для этой цѣли отдѣльныя части тѣла, одежды, украшеній, доспѣховъ и т. д. у различныхъ знаменитыхъ полководцевъ стараго и новаго времени. По мнѣнію П. П., самымъ естественнымъ способомъ описанія проявленій сектантскаго экстаза было бы изображеніе ихъ по типамъ. Есть два общихъ типа сектантскаго экстаза: нормальный и патологическій. Первый обнаруживается въ слезахъ, умиленіи, молитвенныхъ восторгахъ, радостныхъ тѣлодвиженіяхъ и представляетъ въ общемъ такую же картину, какъ проявленія обыкновенной глубокой эмоціи. Второй заключаетъ въ себѣ очевидные элементы истеріи. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ общихъ типовъ можно было-бы найти опредѣленныя разновидности, характеризующіяся со внѣшней стороны въ однихъ случаяхъ преобладаніемъ органическихъ рефлексовъ, а въ другихъ—развитіемъ внѣшнихъ движеній. Наконецъ, въ предѣлахъ этихъ разновидностей можно было-бы отмѣтить особыя формы, какія принимаетъ экстазъ у представителей различныхъ мистическихъ сектъ, въ зависимости отъ ихъ религіозныхъ идей, экстазогенныхъ приемовъ, психическихъ и даже физиологическихъ особенностей (напр., у скопцовъ). Разграниченіе двухъ общихъ типовъ экстаза (нормальнаго и патологическаго) опредѣленно намѣчается и въ самой диссертациі, въ ея началѣ, на 2—3 страницахъ. Но въ дальнѣйшемъ изложеніи отдѣляющая ихъ грань сглаживается и обѣ формы экстаза безъ различія утилизируются для построенія одной общей или „сводной“ картины этого состоянія. Правда, и при такомъ смѣшанномъ изображеніи типическія формы сектантскаго экстаза могли бы до извѣстной степени опредѣлиться и обособиться для читателя сами собой, еслибы онѣ были воспроизведены въ сколько нибудѣ

цѣльномъ, конкретномъ видѣ. Но авторъ поступаетъ совершенно обратнымъ способомъ: поставивъ себѣ синтетическую задачу, онъ разрѣшаетъ ее чисто аналитическимъ путемъ. Желая сопоставить различные случаи сектантскаго экстаза, онъ разложилъ ихъ на физиологическіе ихъ элементы и рассортировалъ послѣдніе по соответствующимъ рубрикамъ. Въ результатъ получилась очень детальная классификація и вполне научный анализъ симптомовъ экстаза. Но классификація не—картина и анализъ не есть конкретное воспроизведеніе дѣйствительности. Физиологическіе элементы экстаза, взятые въ отдѣльности, уже перестаютъ составлять то цѣлое, изъ котораго они извлечены, и превращаются въ то, что они есть сами по себѣ, въ простые физиологическіе элементы. Собравъ различные случаи сектантскаго экстаза, авторъ собралъ множество этюдовъ для задуманной имъ картины. Но вмѣсто того, чтобы написать по нимъ картину, онъ сваялъ съ полотна краски, рассортировалъ ихъ по оттѣнкамъ, разложилъ ихъ на палитрѣ и назвалъ эту систему красокъ картиной. Авторъ поступилъ подобно такому коллекционеру-энтомологу, который, собираясь создать образцовую коллекцію бабочекъ, разложилъ-бы по отдѣльнымъ ящичкамъ ихъ *membra dissecta*. Онъ собралъ въ своей книгѣ богатую коллекцію физическихъ симптомовъ сектантскаго экстаза, разъединивши для этого своимъ анатомическимъ анализомъ различные конкретные случаи экстаза на составляющіе ихъ элементы. Правда, эти симптомы поставлены въ извѣстную взаимную связь при помощи общей схемы. Но схема не—картина.

Отвѣтъ Д. Г. Коновалова. Какъ бы ни казался несовершеннымъ способъ описанія картины сектантскаго экстаза, примѣненный въ диссертациі, — другого, лучшаго, болѣе цѣлесообразнаго и естественнаго для даннаго случая диспутантъ не знаетъ и даже не считаетъ возможнымъ. Въ такихъ случаяхъ, какъ настоящій, когда приходится, вслѣдствіе крайней неполноты и отрывочности матеріала, воссоздавать общую, типическую картину сектантскаго экстаза по кусочкамъ, *мозаически*, нѣтъ возможности обойтись безъ того приѣма, который авторъ назвалъ „описаніемъ сводной картины“. Сущность этого приѣма заключается въ томъ, что изслѣдователь, подобно коллекционеру — энтомологу, тща-

тельно собираетъ по возможности всѣ извѣстные случаи интересующаго явленія, когда-бы и гдѣ-бы они ни наблюдались, разлагаетъ ихъ, при помощи анализа, на составные элементы, опредѣляетъ, путемъ сопоставленія, сходство и различіе ихъ по моменту обнаруженія въ процессѣ явленія и по качеству или природѣ и, на основаніи добытыхъ результатовъ, вновь соединяетъ (синтезируетъ) раздѣленные анатомическимъ анализомъ элементы въ цѣльную картину, располагая ихъ въ томъ же порядкѣ и въ той же связи, въ какихъ они наблюдаются въ живой дѣйствительности. Особенность названнаго приѣма, объясняемая неполнотой источниковъ, заключается въ томъ, что отдѣльныя части общей картины изображаются не всегда по даннымъ, извлекаемымъ изъ описаній однихъ и тѣхъ же случаевъ явленія; напротивъ, ей усвоятся черты, наличие которыхъ засвидѣтельствована лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но не во всѣхъ. привлеченныхъ къ ея реконструкціи, разъ есть основаніе думать, что эти черты, зарегистрированныя лишь нѣкоторыми наблюдателями, въ дѣйствительности оказываются обычной принадлежностью даннаго явленія. Примѣнивши подобный приѣмъ къ описанію картины сектантскаго экстаза, авторъ наименовалъ послѣднюю „сводной“. Названіе это, по мысли автора, должно указывать на то, что картина начертана на основаніи „свода“ или систематизаціи описаній всѣхъ извѣстныхъ случаевъ сектантскаго экстаза, безъ различія временъ, мѣстъ и сектъ, причѣмъ пробѣлы однихъ описаній восполнены свѣдѣніями изъ другихъ, а исключительные симптомы собраны и приведены въ качествѣ варьянтовъ. Оправданіемъ для начертанія такой „сводной картины“ служить поразительное *общее* сходство между отдѣльными случаями сектантскаго экстаза, наблюдавшимися на протяженіи почти трехъ столѣтій, въ различныхъ мѣстностяхъ европейской и азіатской Россіи, у представителей разнообразныхъ мистическихъ сектъ. Сектантскій экстазъ—явленіе ненормальное, сплошь и рядомъ осложняющееся патологическими симптомами, а явленія такого рода, какъ извѣстно, чрезвычайно стереотипны, шаблонны, остаются неподвижными и устойчивыми въ теченіе вѣковъ и при смѣнѣ обстоятельствъ.

По поводу основной мысли возраженія проф. П. П. Соколова, будто диспутантъ въ своей книгѣ смѣшиваетъ два различныхъ

типа сектантскаго экстаза—нормальный и патологическій. г. Коноваловъ рѣшительно заявилъ, что такого смѣшенія у него нѣтъ. Въ своей книгѣ онъ описываетъ пока только *одну* основную, общій, наиболѣе распространенный типъ сектантскаго экстаза, наиболѣе часто встрѣчающуюся его картину. Таковымъ онъ считаетъ экстазъ въ формѣ ненормальнаго душевнаго волненія, осложненнаго множествомъ истерическихъ и другихъ чисто болѣзненныхъ симптомовъ. Съ описанія случаевъ, дающихъ наглядное представленіе объ этомъ типѣ экстаза, начинается книга, и на ея первыхъ трехъ страницахъ совсѣмъ нѣтъ сообщеній о случаяхъ *нормальнаго* экстаза, о которыхъ говоритъ оппонентъ (см., напр., истерическое чередованіе слезъ и смѣха въ экстазѣ хлыста Зотова, с. 1). По мнѣнію диспутанта, самое понятіе „нормальнаго экстаза“ заключаетъ въ себѣ нѣкоторое *contradictio in adjecto*: экстазъ всегда означаетъ выходженіе изъ нормы или нормальнаго состоянія. То же, что оппонентъ предлагаетъ назвать „нормальнымъ“ экстазомъ, есть не болѣе, какъ „обыкновенная глубокая эмоція“.

Отвергая обвиненіе въ смѣшеніи двухъ различныхъ формъ экстаза при построеніи сводной его картины, диспутантъ вполне согласенъ съ тѣмъ, что проявленія сектантскаго экстаза слѣдуетъ описывать *по типамъ*, и въ своей работѣ, насколько возможно, проводить этотъ принципъ. Въ основу своего изслѣдованія онъ положилъ упомянутый наиболѣе распространенный типъ сектантскаго экстаза, попутно отмѣчая разновидности (варьянты) въ его предѣлахъ и особія формы, какія принимаетъ онъ въ различныхъ мистическихъ сектахъ (напр., преобладаніе прыганья у прыгуновъ, отсутствіе пророчествъ у Екатеринбургскихъ квакеровъ и т. п.). Когда будетъ закончено описаніе и анализъ этого типа, авторъ перейдетъ къ другимъ. Но и тогда ему неизбѣжно понадобится тотъ же приѣмъ описанія „сводной картины“ экстаза, примѣнительно къ каждому изъ его типовъ. Характерно, по мнѣнію диспутанта, что подобнаго приѣма не могъ избѣгнуть и самъ оппонентъ, когда ему понадобилось, въ предшествующемъ возраженіи, изобразить сомнамбулическій типъ экстаза: собравъ различные случаи сомнамбулическаго экстаза на протяженіи четырехъ столѣтій (XIII—XVI в.), онъ, путемъ сопоставленія ихъ, извлекъ сходныя черты, далъ об-

щее описаніе физическихъ явленій экстаза, распредѣливши ихъ по тремъ послѣдовательнымъ періодамъ (летаргіи, каталепсіи и сомнамбулизма), и назвалъ это описаніе „физической картиной экстаза“.

По поводу замѣчанія проф. П. П. Соколова, что у автора анализъ слишкомъ преобладаетъ надъ синтезомъ и уничтожаетъ впечатлѣніе живой, цѣлостной „картины“ сектантскаго экстаза,—диспутантъ, во первыхъ, заявилъ слѣдующее, Замѣтное преобладаніе анализа въ диссертации вызывалось, между прочимъ, необходимостью устанавливать подлинный смыслъ многихъ метафорическихъ и вообще неясныхъ выраженій въ описаніяхъ симптомовъ сектантскаго экстаза, прежде чѣмъ вводить послѣдніе въ общую картину явленія (ср., напр., выраженія: „духъ трепещется въ животѣ“, „чтеніе писанія по гласу“ и т. п.). Но нельзя забывать, что разъединяющее вліяніе анализа парализовано въ диссертации созидательной работой синтеза, восстанавливающаго естественную взаимную связь экстатическихъ симптомовъ. Выдѣленные анализомъ симптомы соединены авторомъ въ комплексы и группы, сообразно съ ихъ связью, наблюдаемой въ дѣйствительности, и, что всего важнѣе, распредѣлены въ порядкѣ, соответствующемъ моментамъ ихъ реального проявленія въ теченіи экстаческаго приступа. Такимъ образомъ, описаніе физическихъ симптомовъ сектантскаго экстаза въ диссертации даетъ *цѣльное и наглядное* представленіе о томъ, какъ въ дѣйствительности протекаетъ типичное экстатическое возбужденіе сектантовъ и изъ какихъ физическихъ элементовъ оно слагается. Вотъ почему авторъ и назвалъ свое описаніе „картиной“ экстаза, конечно, въ *переносномъ* смыслѣ, совсѣмъ не думая отождествлять ее съ картиной въ настоящемъ художественномъ смыслѣ слова. Такое примѣненіе слова „картина“ не составляетъ изобрѣтенія автора диссертации. Достаточно сослаться на медицинскую литературу, гдѣ постоянно встрѣчается выраженіе „клиническая картина болѣзни“, чтобы убѣдиться въ этомъ. Между тѣмъ, оппонентъ въ своемъ возраженіи, повидимому, исходитъ отъ *буквального* значенія слова „картина“, съ какимъ оно употребляется въ живописи. Само собой понятно, что такой картины онъ не нашелъ въ диссертации, гдѣ картина сектантскаго экстаза описывается научно, а не рисуется художественно.

3-е и последнее возраженіе П. П. Соколова, являясь дальнѣйшимъ развитіемъ второго, касалось нѣкоторыхъ повтореній, встрѣчающихся въ диссертациі. Напр., въ ней о слезахъ и сродныхъ имъ секреторныхъ явленіяхъ говорится въ трехъ отдѣлахъ (с. 18—20; 20 и слѣд.: 33—34 и слѣд.), о крикахъ—на с. 35., 38., 127—128, о смѣхѣ рѣчь идетъ въ связи со слезами (с. 24—26) и въ параграфѣ о „смѣшанныхъ дыхательныхъ спазмахъ“ (с. 29—30). По мнѣнію П. П., эти и подобныя повторенія произошли отъ чрезмѣрной детализаціи принятыхъ авторомъ подраздѣленій и описаній. Между тѣмъ физическія обнаруженія сектантскаго экстаза такъ разнообразны и такъ тѣсно связаны между собой, что обособить ихъ другъ отъ друга и уложить въ точныя классификаціонныя рамки весьма трудное дѣло. Поэтому, лучше было-бы, во избѣжаніе повтореній, объединить сродные и близкіе другъ другу симптомы экстаза и описывать ихъ не какъ отдѣльные элементы, а какъ цѣлые комплексы, въ ихъ естественной связи и взаимодействіи. Слишкомъ подробная классификація этихъ симптомовъ, конечно, свидѣтельствуетъ о тщательности, съ какою ихъ изучаетъ авторъ, и въ этомъ смыслѣ несомнѣнно составляетъ его заслугу; но въ то же время она является и недостаткомъ книги.

Отвѣтъ Д. Г. Коновалова. Упомянутіе объ однихъ и тѣхъ же физиологическихъ явленіяхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги объясняется не чрезмѣрной детализаціей классификаціонной схемы, а повторяемостью самыхъ явленій (слезъ, смѣха, воздыханій, криковъ и т. д.) въ различные періоды сектантскаго экстаза и обнаруженіемъ ихъ не только въ видѣ отдѣльныхъ симптомовъ, но и въ *характерныхъ* сочетаніяхъ между собою (комплексахъ). Напр., произвольный смѣхъ встрѣчается во всѣхъ періодахъ сектантскаго экстаза и, сверхъ того, образуетъ иногда, въ сочетаніи съ слезами, очень своеобразный комплексъ, чрезвычайно важный для опредѣленія природы самаго экстаза. Вотъ почему объ экстатическомъ смѣхѣ неизбежно приходилось говорить въ нѣсколькихъ рубрикахъ, и авторъ допустилъ бы несомнѣнную ошибку, еслибы, изъ опасенія упрека въ повтореніи, этого не сдѣлалъ, еслибы, напр., устранилъ изъ диссертациі параграфъ о сочетаніи слезъ и смѣха. Такимъ образомъ, изъ допущенныхъ въ диссертациі „повтореній“ видно, что авторъ

заботился не объ одномъ безконечномъ дробленіи обнаруженій экстаза на ихъ фізіологическіе элементы, но, гдѣ было нужно, описывалъ цѣлыя комплексы симптомовъ, не разрывая ихъ естественной связи. Сохраняя нѣкоторые комплексы, авторъ руководился, какъ было указано, ихъ своеобразіемъ, существенно важнымъ для пониманія природы изучаемаго явленія.

Въ заключеніе своей продолжительной, почти двухчасовой ученой бесѣды съ диспутантомъ, какъ-бы резюмируя свои возраженія, проф. Соколовъ, прежде всего отмѣтилъ, что все они касаются не столько самаго существа дѣла, сколько метода работы автора, его формулъ и внѣшнихъ пріемовъ изслѣдованія. Но въ области такихъ сложныхъ, неясныхъ и мало изученныхъ явленій, какъ сектантскій экстазъ, вопросъ о методѣ всегда бываетъ спорнымъ; тѣмъ болѣе спорны формулы. „Поэтому,—говорилъ проф. П. П. Соколовъ,—какъ бы ни расходились въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наши взгляды, я не могу отвергать одного: законности Вашихъ точекъ зрѣнія. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Вы имѣли право понять предметъ Вашей работы такъ, какъ Вы его поняли, и изслѣдовать его такъ, какъ Вы его изслѣдовали. А разъ мы допустимъ Ваши исходныя точки и Вашъ методъ, Ваша книга является замѣчательною. Вы сдѣлали первую систематическую попытку научно разобраться въ томъ своеобразномъ комплексѣ явленій, который Вы назвали сектантскимъ экстазомъ; и Вы выполнили эту попытку съ такими громадными знаніями, съ такою широтой научнаго кругозора, съ такою тщательностью анализа и стройностью синтеза, которыя въ диссертацияхъ встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія. Въ своемъ официальномъ отзывѣ я назвалъ Вашу работу *научнымъ событіемъ* въ области русскаго сектовѣдѣнія, и теперь мнѣ пріятно еще разъ засвидѣтельствовать это мое мнѣніе передъ настоящимъ достопочтеннымъ собраніемъ“.

Къ этому проф. Соколовъ присоединилъ горячее пожеланіе автору, чтобы онъ получилъ, наконецъ, возможность непосредственнаго личнаго знакомства съ сектантскимъ міромъ, и вообще, чтобы его дальнѣйшая работа протекала при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Заключительныя слова проф. П. П. Соколова были покрыты

громкими аплодисментами аудиторіи, послѣ чего диспутантъ въ краткихъ словахъ поблагодарилъ своего оппонента за очень внимательное отношеніе къ диссертациі и заявилъ, что, въ связи съ критическими замѣчаніями П. П.-ча, онъ вновь продумаетъ схему, положенную въ основу своего произведенія.

Второй официальный оппонентъ, И. М. Громогласовъ, началъ выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что онъ не можетъ, не выходя изъ порученной ему роли присяжнаго обвинителя, подробно остановиться на выдающихся достоинствахъ работы г. Коновалова: обилии привлеченнаго къ изслѣдованію перво-степенно-цѣннаго рукописнаго матеріала, массѣ новыхъ и чрезвычайно интересныхъ фактическихъ данныхъ, впервые вводимыхъ въ научный оборотъ, замѣчательно стройной и продуманной системѣ, въ какой они сведены, тонкости сдѣланныхъ наблюдений и важности уже теперь ясно намѣчающихся выводовъ по цѣлому ряду первостепенныхъ вопросовъ сектовѣдѣнія (въ частности—по вопросу о происхожденіи основныхъ формъ русскаго мистическаго сектантства). Это тѣмъ болѣе непріятно для оппонента, что заготовленный имъ не длинный списокъ возраженій подвергся значительному сокращенію по мѣрѣ того, какъ развивалась бесѣда диспутанта съ предыдущимъ возражателемъ, такъ что въ концѣ концовъ изъ всего обвинительнаго матеріала осталось только два не возраженія, а скорѣе — недоумѣнія, которыя желательно было бы уяснить, да еще двѣ-три мелкихъ „придирки“ къ неточностямъ или недосмотрамъ, неизбѣжнымъ во всякой работѣ.

Сущность перваго недоумѣнія, предъявленнаго затѣмъ диспутанту, сводилась къ тому, какъ смотреть онъ на общую массу послѣдователей разнообразныхъ формъ мистическаго сектантства, признавая характерною чертою его религіозный экстазъ. Въ картинѣ послѣдняго, данной въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, видное мѣсто занимаетъ цѣлый рядъ патологическихъ моментовъ. Не скрывается ли за этимъ мысль, что вся сущность мистическаго сектантства въ психопатологіи, и что общины сектантовъ - мистиковъ состоятъ исключительно изъ нервно и душевно-больныхъ субъектовъ? Такое возрѣніе представляло бы крайность, съ которой оппонентъ рѣшительно не находилъ возможнымъ согласиться.

На это возраженіе, признавая особенную его серьезность, Д. Г. Коноваловъ далъ довольно подробный и обстоятельный отвѣтъ, который сводился къ слѣдующему. Прежде всего, сильнаго ограниченія требуетъ мысль, будто авторъ диссертациі считаетъ редигозный экстазъ, наблюдаемый въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ, явленіемъ совершенно и всецѣло патологическимъ, болѣзненнымъ. Въ своей рѣчи онъ опредѣлилъ сектантскій экстазъ лишь, какъ „ненормальное душевное волненіе“; а терминъ „ненормальный“ еще не значить непременно „больной“ или „патологическій“ въ общепринятомъ смыслѣ этихъ словъ. Затѣмъ, въ сектантской средѣ нужно строго различать отдѣльныхъ субъектовъ—специфическихъ экстатиковъ—отъ общей массы, группирующейя вокругъ нихъ. И если первыхъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, нельзя не признать людьми ненормальными, нервно или душевно-болыными, то рядовую сектантскую массу и съ точки зрѣнія диспутанта нѣтъ надобности считать непременно сплошнымъ подборомъ болѣзненныхъ личностей. Соотношеніе между числомъ настоящихъ экстатиковъ и рядовыхъ членовъ въ отдѣльныхъ сектантскихъ общинахъ бываетъ различнымъ. Крайностями нужно считать случаи, когда въ цѣлыхъ сектантскихъ общинахъ, не смѣтруя на все усердіе сектантовъ въ радѣніи, не находится человѣка, способнаго войти въ экстатическое состояніе, когда „духъ“ не накатываетъ ни на кого изъ радѣющихъ, очевидно, за отсутствіемъ нерво-возбудимыхъ субъектовъ, склонныхъ легко „выходить изъ себя“, изъ предѣловъ обычной нормы. Въ такихъ случаяхъ сектанты обращаются на сторону, приглашаютъ „пророковъ“ изъ другихъ кораблей, иногда издалека. Напр., Царевскіе хлысты (Астрах. г.) привозили однажды пророка изъ Черноморья, потерявши надежду собственными силами войти въ общеніе съ Духомъ Святымъ. Равнымъ образомъ исключительными случаями нужно признать и тѣ, когда экстазъ овладѣваетъ всѣми участниками молитвенныхъ собраній. Это наблюдается преимущественно въ эпохи религіозно-экстатическихъ эпидемій среди сектантовъ, когда ихъ возбужденіе бываетъ чрезмѣрнымъ. Но въ обычныхъ условіяхъ настоящій религіозный экстазъ оказывается переживаніемъ, не всегда и далеко не для всѣхъ сектантовъ общедоступнымъ. Нѣкоторые сектанты, по собственному ихъ признанію, удостоиваются посѣщенія экстаза

не болѣе одного раза въ жизни, чрезъ десятки лѣтъ по вступленіи въ секту.— Что же, спрашивается, привлекаетъ и удерживаетъ въ сектантской средѣ эти натуры, очевидно нормальныя, чуждыя надлежащей нервной возбудимости, разъ имъ почти не доступенъ настоящій экстазъ, являющійся, по словамъ автора диссертациі, „дѣйствительнымъ выраженіемъ существа религіи“ русскаго мистическаго сектантства? Игнорируя случаи, когда вступленіе отдѣльныхъ лицъ въ ряды сектантовъ-мистиковъ ничего общаго съ религіей не имѣетъ, можно сказать, что связь людей, совершенно нормальныхъ въ нервно-психическомъ отношеніи, съ названными сектантами объясняется доступностью и для такихъ людей простой религіозной *экзальтациі*, совершенно аналогичной съ волненіями, составляющими начальныя фазы настоящаго экстаза. Эта религіозная экзальтациа, слагающаяся изъ чувствъ умиленія, облегченія и радости, является состояніемъ въ высокой степени пріятнымъ, утѣшительнымъ, особенно для людей, которымъ пришлось много выстрадать на своемъ вѣку. Вотъ примѣръ. Харьковскій профессоръ-психіатръ Анфимовъ, въ своей экспертизѣ о Супоневскихъ хлыстахъ, приводитъ слова одной изъ освидѣтельствованныхъ имъ сектантокъ, которую онъ призналъ *совершенно здоровой*: „Многоя видѣла на своемъ вѣку горя, потеряла почти всѣхъ дѣтей; бывало у меня часто на душу тяжело; я ходила на хлыстовскія моленія; они нравились мнѣ, потому что на душу становилось легче“. Сектантскія радѣнія тѣмъ и привлекательны для народа, что тамъ, подѣ вліяніемъ сильныхъ экстазирующихъ средствъ (воодушевленной проповѣди и молитвы, умиленнаго чтенія св. писанія, своеобразнаго пѣнія, плясокъ и пророчествъ) и особенно подѣ впечатлѣніемъ экстатического возбужденія нѣкоторыхъ участниковъ,—даже мало возбудимый человекъ невольно заражается общимъ повышеннымъ настроеніемъ, приходитъ въ экзальтациа, соединяющуюся съ очень пріятнымъ самочувствіемъ. Безъ этого утѣшительнаго возбужденія, близко граничащаго съ экстазомъ, мистическія секты, по словамъ одного бывшаго хлыста, были бы „ничтожны“.

Въ качествѣ второго своего „недоумѣнія“ г. Громогласовъ предложилъ диспутанту вопросъ, какимъ образомъ оказывается возможнымъ примиреніе, повидимому, совсѣмъ не-

примиримаго: различныхъ болѣзненно-экстатическихъ явленій (конвульсій, судорогъ) съ переживаніемъ сектантами пріятныхъ ощущеній (тѣлесной и душевной легкости, умиленія, радости и т. п.) въ состояніи религіознаго экстаза?

По поводу этого недоумѣнія, Д. Г. Коноваловъ сдѣлалъ слѣдующія разъясненія. Какъ бы ни казалось парадоксальнымъ и неестественнымъ сочетаніе необыкновенно пріятнаго самочувствія съ физическими проявленіями ненормальнаго и прямо болѣзненнаго перевозбужденія нервной системы,— но это неоспоримый фактъ, хотя пока не объясненный наукой. Подобное сочетаніе наблюдается и помимо сектантскаго экстаза. По словамъ знаменитаго подвижника, епископа Теофана Затворника, при „художественномъ“ совершеніи молитвы Иисусовой, когда молящійся нѣсколько стѣсняетъ дыханіе и сводитъ къ груди напряженіе мышцъ, онъ иногда испытываетъ „пріятное“ раздраженіе нервовъ. У людей „слаботѣлыхъ, нервныхъ“ это раздраженіе входитъ глубже въ нервы и начинаетъ отражаться въ мускулахъ: происходятъ легкія движенія, тоже пріятныя, которыя, усиливаясь, переходятъ въ замѣтныя трясенія. Недавно диспутантомъ, послѣ продолжительныхъ поисковъ, найдена чрезвычайно интересная рукопись „*О 78 молитвенныхъ дѣйствіяхъ, бывшихъ въ Сибирскомъ монахѣ - подвижникѣ Василискѣ*“. Рукопись составлена сподвижникомъ Василиска, Зосимой Верховскимъ, причемъ первый самъ просматривалъ ее и поправлялъ. Какъ видно изъ этой рукописи, Василискъ, творя „художественно“ молитву Иисусову, испытывалъ необычайно сильное трепетаніе сердца („сердце его начинало трепетать, потомъ колебаться и какъ будто бы металось во всѣ стороны“), сильнѣйшее колебаніе головы и сотрясеніе всего тѣла, такъ что едва могъ усидѣть на мѣстѣ. И замѣчательно, что столь крайнее физическое возбужденіе, обыкновенно сопровождающееся у другихъ людей и въ иныхъ условіяхъ соотвѣтствующимъ интенсивнымъ ощущеніемъ физической боли и страданія,— у Василиска соединялось съ живѣйшимъ ощущеніемъ неизъяснимой „сладости“ въ сердцѣ и во всѣхъ членахъ, чувствомъ умиленія, легкости и радости. Въ религіозной сферы, подобное состояніе встрѣчается при раздраженіи нервной системы наркотическими веществами, во многихъ случаяхъ такъ называ-

емаго „наслажденія страданіемъ“, иногда въ предсмертныя минуты (эйфорія умирающихъ), въ обморочныхъ состояніяхъ, въ моментъ гипнотическаго засыпанія, въ приступахъ маниакальнаго возбужденія у разнаго рода душевно-больныхъ, въ нѣкоторыхъ припадкахъ истеріи и эпилепсіи. Напр., Достоевскій, описывая въ романѣ „Идіотъ“ эпилептическій припадокъ, говоритъ, что князь Мышкинъ въ самый послѣдній сознательный моментъ предъ припадкомъ испытывалъ *реальнѣйшее ощущеніе безпредѣльнаго счастья*. Таковы факты. Они еще ждуть своего объясненія. Если оно будетъ найдено, то получить полное разрѣшеніе и представленное оппонентомъ недоумѣніе.

И. М. Громогласовъ сдѣлалъ еще три мелкихъ замѣчанія по поводу отдѣльныхъ сообщеній, приводимыхъ въ диссертации. Онъ обратилъ вниманіе, прежде всего, на курьезное показаніе Тамбовскаго хлыста Токарева о томъ, какъ онъ прикладываетъ руку къ сердцу спящей жены, предварительно ее перекрестивши, и, когда ощущалъ „внутри ея трепеть“, заключалъ, что это „Духъ радуется слову Божію и любви“ (стр. 46). Д. Г. Коноваловъ согласился, что описанный здѣсь опытъ представляется дѣйствительно курьезнымъ, но его нельзя назвать невѣроятнымъ. Въ доказательство возможности такого опыта, Д. Г. сослался на аналогичный фактъ изъ житія ранѣе имъ упомянутаго Сибирскаго подвижника Василиска. Тамъ разсказывается, какъ одинъ боголюбивый отецъ, узнавши, что Василискъ совершаетъ молитву Иисусову очень медленно, посоветовалъ ему произносить слова молитвы нѣсколько поспѣшнѣе, увѣряя, что чрезъ это удобнѣе отражаются суетные помыслы. При этомъ, онъ, *приложи руку свою къ сердцу Василиска, наблюдалъ движеніе и біеніе сердца* его при болѣе быстромъ произношеніи молитвенныхъ словъ, но, ничего особеннаго не ощутивъ, велѣлъ ему по своему навыку производить молитву. Василискъ началъ, и вдругъ вскипѣла благодатная сладость въ его сердцѣ, которое вострепетало и начало биться во всѣ стороны. Когда это ощутилъ упомянутый старецъ, онъ сказалъ Василиску: „Блаженъ ты, отче! твори и подвизайся, какъ наставилъ тебя Господь“. О такомъ пріемѣ, практикующемся среди подвижниковъ, легко могли знать Тамбовскіе хлысты половины XIX вѣка, какъ изъ личныхъ бесѣдъ съ разными подвижниками,

такъ изъ аскетическихъ сочиненій, которыя, вообще, въ большомъ почетѣ у сектантовъ—мистиковъ. Напр., тѣ же Тамбовскіе хлысты зачитывались книгой св. Тихона Воронежскаго „О должностяхъ христіанина“ и находили въ ней обоснованіе почти всѣхъ пунктовъ своего ученія.

Затѣмъ, И. М. Громогласовъ прочелъ изъ диссертациі приведенную въ ней „сцену поборопія нечистой силы дѣйствіемъ св. Духа“, сцену, которую изобразилъ на моленіи Закавказскихъ прыгуновъ новообращенный въ ихъ секту армянинъ Хачатуръ (стр. 133—134),—и поставилъ вопросъ: дѣйствительно ли армянинъ Хачатуръ въ этотъ моментъ былъ въ состояніи экстаза, или, быть можетъ, эта сцена была имъ разыграна умышленно? Диспутантъ отвѣтилъ, что описаніе этой сцены имъ заимствовано изъ книги *Дингельштебта* „Закавказскіе сектанты“, гдѣ есть указаніе о томъ, что Хачатуръ дѣйствительно былъ „въ духѣ“, когда на моленіи изображалъ описанную сцену (стр. 11—12).

Послѣднее замѣчаніе И. М. Громогласова касалось примѣчанія на страницѣ 148-й, гдѣ Tholuck отнесенъ къ числу „новѣйшихъ“ ученыхъ, со ссылкой на его сочиненіе, напечатанное въ 1821 году. Диспутантъ пояснилъ, что „новѣйшимъ“ ученымъ онъ назвалъ Tholuck'a по сравненію съ Аристотелемъ, о которомъ рѣчь идетъ вначалѣ того-же примѣчанія.

Въ заключеніе И. М. Громогласовъ привѣтствовалъ своего собесѣдника, какъ автора замѣчательнаго по своимъ качествамъ ученаго труда, появившагося, къ тому же, весьма кстати и своевременно. Нужда въ научной разработкѣ вопросовъ о русскомъ сектантствѣ никогда еще не сознавалась такъ ясно и настоятельно, какъ теперь. Этимъ сознаніемъ подсказано, между прочимъ, постановленіе недавняго все-россійскаго мисіонерскаго съѣзда въ Кіевѣ о необходимости открытія при всѣхъ духовныхъ академіяхъ особой кафедры сектовѣдѣнія. Но честь первенства въ этомъ важномъ дѣлѣ принадлежитъ собственно Московской академіи или, точнѣе ея высшему іерархическому руководителю, по инициативѣ котораго у насъ еще три года тому назадъ Высочайше утверждена названная кафедра и тогда же академическимъ Совѣтомъ единогласно избранъ первый ея замѣститель въ лицѣ Д. Г. Коновалова. И академическій совѣтъ зналъ, что дѣ-

лалъ, избирая г. Коновалова на кафедрѣ сектовоѣдѣнія, такъ какъ разсматриваемой работой диспутантъ блестяще оправдалъ мнѣніе о немъ, выраженное въ совѣтскомъ постановленіи. Остается пожелать, чтобы, достойно увѣнчанный ученою степенью за свой весьма цѣнный трудъ по изученію русскаго сектантства, онъ получилъ возможность, съ переходомъ на соотвѣтствующую кафедрѣ, безраздѣльно отдаться разработкѣ излюбленной имъ, только еще зарождающейся у насъ отрасли научно-богословскаго знанія.

Когда официальные оппоненты закончили свои возраженія, предсѣдатель собранія, Преосвященный Ректоръ Академіи, обратился къ присутствующимъ съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ сдѣлать диспутанту возраженія съ своей стороны. На его предложеніе первымъ отозвался *С. П. Мельгуновъ*, небезызвѣстный писатель - публицистъ по вопросамъ русскаго раскола и сектантства¹⁾.

Г. Мельгуновъ съ самаго-же начала заявилъ, что онъ вполне присоединяется къ лестнымъ отзывамъ о диссертациі г. Коновалова его официальныхъ оппонентовъ, и если все же беретъ на себя смѣлость нѣсколько затянуть диспутъ, то дѣлаетъ это единственно съ тою цѣлью, чтобы высказать автору рядъ предостереженій и пожеланій, въ интересахъ его дальнѣйшей работы. „Русское сектантство, говорилъ г. Мельгуновъ, это—не только важное религиозное, но и крупное общественное явленіе. Оно вполне заслуживаетъ самаго добросовѣстнаго и серьезнаго научнаго изученія. А между тѣмъ науки сектовоѣдѣнія у насъ, какъ это ни грустно, до сихъ поръ еще не было и нѣтъ. Самое большее, что мы теперь имѣемъ, это—лишь матеріалъ для будущей науки. Таковы, напр. и всѣ труды наиболѣе извѣстныхъ у насъ писателей и историковъ сектантства: Пыпина, Бобрищева-Пушкина, проф. Милюкова, Пругавина и др. О русскомъ сектанствѣ, правда, еще писали у насъ и различные духовные авторы. Но трудамъ этихъ писателей, къ сожалѣнію, приходится отказать даже и въ значеніи сколько-нибудь пригоднаго матеріала. Зависитъ это отъ того, что работы духов-

¹⁾ Часть многочисленныхъ статей *С. П. Мельгунова* по вопросамъ старообрядчества и сектантства издана имъ отдѣльнымъ сборникомъ подъ заглавіемъ: „Церковь и государство въ Россіи“, Москва, 1907.

ныхъ писателей рѣзко окрашены полемикой, проникнуты духомъ нетерпимости и лишены истинно-научнаго объективизма. А между тѣмъ сектантство, какъ явленіе религиозное по самой своей природѣ, требуетъ, именно, богословски образованнаго изслѣдователя. Я по собственному опыту знаю, какъ трудно въ этой области работать лицу, не получившему спеціальнаго образованія. И вотъ, въ лицѣ Васъ, Д. Г., я и хотѣлъ-бы привѣтствовать, именно такого крайне нужнаго и полезнаго для дѣла работника, который-бы съ прекраснымъ спеціальнымъ образованіемъ соединялъ бы и просвѣщенную широту и научность взглядовъ. Своей настоящей работой Вы доказали, что стоите на вѣрномъ пути и можете оправдать мои лучшія надежды. Но я позволю себѣ высказать Вамъ и нѣкоторыя предостереженія, которыя, надѣюсь, будутъ Вамъ небезполезны въ Вашей послѣдующей работѣ по сектантству. Прежде всего я хотѣлъ еще больше усугубить Вашу осторожность въ пользованіи матеріаломъ. Вы, какъ и сами заявили, еще не имѣете непосредственнаго личнаго знакомства съ мистическимъ сектантствомъ, а принуждены судить о немъ по отзывамъ другихъ лицъ, или по дѣламъ окружныхъ судовъ и консисторій. Но кто-же не знаетъ, какъ много пристрастнаго и субъективнаго въ освѣщеніе дѣла вносить большинство, такъ называемыхъ „достоувѣрныхъ свидѣтелей-очевидцевъ?“ Нельзя въ данномъ случаѣ довѣрять и судебной экспертизѣ. Недоброкачественность подобнаго матеріала удостовѣрена такимъ, болѣе чѣмъ умѣреннымъ, авторитетомъ, какъ проф. Ивановскій, такъ что нужна крайняя критическая осторожность въ пользованіи подобными источниками: они носятъ слишкомъ специфическій характеръ. Мнѣ кажется, что Вы не всегда достаточно анализируете тотъ обильный матеріалъ, которымъ Вы пользуетесь. Такимъ образомъ, Вы можете нарисовать картину, не всегда соответствующую дѣйствительности. Опасность эта вытекаетъ отчасти изъ особенности, свойственной предмету, Вами изучаемому. Сектантство—явленіе жизни, а потому чрезвычайно трудно подвести его подъ обычныя рубрики. Принятая терминологія (дѣленіе на рационалистическое и мистическое, на евангелическое и духовное сектантство) по необходимости носить чрезвычайно искусственный характеръ. Сектантская идеологія не пред-

ставляетъ чего-либо установившагося; это вѣчно текущая рѣка. Каждая сектантская ячейка переживаетъ самыя разнообразныя эволюціи. Отсюда трудность обобщенія и выводовъ. Еще большую опасность представляетъ пользование сравнительнымъ методомъ безъ достаточнаго критическаго анализа, стремленіе установить извѣстную историческую преимущество, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ Вашихъ предшественниковъ въ работахъ о хлыстахъ. Недостаточно отчетливое отношеніе въ данномъ случаѣ приводило къ грубымъ искаженіямъ наблюдаемой дѣйствительности. Между тѣмъ, по отношенію къ такъ называемому мистическому сектантству, съ которымъ у насъ такъ часто связываютъ, и нерѣдко безъ всякихъ основаній, проявленія различныхъ безнравственныхъ дѣйствій, надо быть особенно осторожнымъ въ выводахъ. Эти выводы затрогиваютъ жизненную практику и до сихъ поръ тяжело отзывались на интересахъ значительной группы людей. Въ наши дни, когда на очереди стоитъ вопросъ о реформированіи отечественнаго законодательства въ области вѣроисповѣдныхъ отношеній несомнѣнно Вашей работой будетъ пользоваться законодатель при опредѣленіи своего отношенія къ такъ называемымъ, по терминологіи современнаго кодекса, „изувѣрнымъ сектамъ“.

Нельзя также не отмѣтить въ Вашей работѣ одну тенденцію—чрезмѣрное увлеченіе данными психіатріи. Окончательныхъ выводовъ въ ней еще нѣтъ, а потому и хотѣлось бы предостеречь Васъ отъ тѣхъ слишкомъ рискованныхъ заключеній, какіе допускаютъ нѣкоторые изъ нашихъ психіатровъ, завивавшихся изученіемъ сектантства: я говорю о трактованіи религіозно-психическихъ эпидемій проф. Сикорскимъ и д-ромъ Якобіемъ. Они чуть ли не склонны всѣхъ сектантовъ считать какими-то параноиками и дегенератами; а вѣдь это, конечно, не отвѣчаетъ истинѣ.

Наконецъ, я долженъ отмѣтить, что Вы, при изученіи русскаго мистическаго сектантства, слишкомъ исключительно сосредоточиваясь на одномъ психопатологическомъ факторѣ, игнорируете многіе другіе, играющіе здѣсь огромную роль, взять хотя-бы соціально-экономическій факторъ. Но въ общемъ,—закончилъ свою рѣчь г. Мельгуновъ,—я признаю за Вашей книгой выдающіяся достоинства и привѣтствую ее, какъ первый опытъ истинно-научной разработки вопросовъ

русскаго сектантства. Я бы выразилъ пожеланіе, чтобы Ваша дальнѣйшая работа, изъ которой мы познакоимся съ выводами диссертациі, поскорѣе увидала бы свѣтъ и чтобы Вы исполнили свое обѣщаніе опубликовать собранный матеріалъ. Этимъ самымъ Вы внесете крупный вкладъ въ науку“.

Диспутантъ, поблагодаривъ г. Мельгунова за лестный отзывъ, предостереженія и благожеланія, заявилъ, что онъ вовсе не склоненъ игнорировать значеніе социально-экономическаго фактора въ жизни сектантовъ и переоцѣнивать роль психопатологическаго. Это будетъ видно изъ послѣдующихъ выпусковъ его труда, гдѣ будетъ рѣчь о происхожденіи русскаго мистическаго сектантства, его распространеніи и живучести. Коснувшись сдѣланной оппонентомъ оцѣнки источниковъ, по которымъ написана диссертациія, Д. Г. заявилъ, что не раздѣляетъ пессимистическаго взгляда на ихъ доброкачественность. Судебныя дѣла о сектантахъ содержатъ множество великолѣпныхъ и безусловно достовѣрныхъ сообщеній, подтверждаемыхъ единогласными показаніями цѣлыхъ десятковъ и сотенъ свидѣтелей, непосредственныхъ очевидцевъ или участниковъ сектантскихъ радѣній. Нѣкоторыя показанія описываютъ такія детали сектантской религіозной экзальтациі, при чтеніи которыхъ исчезаетъ всякое подозрѣніе въ сочинительствѣ. Конечно, есть не мало показаній „по слухамъ“, „по народной молвѣ“, но объ этомъ источникъ свѣдѣній обычно предупреждаютъ сами свидѣтели. Что касается экспертизъ, имѣющихся въ „дѣлахъ“, то однѣ изъ нихъ—медицинскія—чрезвычайно цѣнны и содержатъ безусловно объективныя наблюденія, другія, исходящія отъ миссіонеровъ, консисторій и отъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, нерѣдко голословны, основаны на непровѣренныхъ разказахъ и тенденціозны; ими авторъ избѣгалъ пользоваться въ своей работѣ. Среди печатныхъ сообщеній очевидцевъ сектантскихъ моленій (врачей, священниковъ, бывшихъ сектантовъ, миссіонеровъ и т. д., есть также много несомнѣнно правдиваго и важнаго матеріала. Ручательствомъ и критеріемъ достовѣрности какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ свѣдѣній о сектантахъ является ихъ нерѣдко поразительное согласіе между собой, не смотря на огромную разницу временъ и мѣстъ, когда и гдѣ они собирались. Цѣнность разсматриваемыхъ источниковъ воз-

растаетъ еще отъ того, что личныя наблюденія надъ религиозной экзальтаціей во время сектантскихъ радѣній, охраняемыхъ строгой тайной,—какъ они ни заманчивы, оказываются доступными лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Диспутантъ, однако, не отрицаетъ, что, при всей доброкачественности бывшихъ въ его распоряженіи источниковъ, требовалась большая критическая осторожность при пользованіи ими. И онъ примѣнялъ таковую въ полномъ объемѣ. Доказательство на лицо: не взирая на многочисленныя завѣренія миссіонеровъ, авторъ не ввелъ въ физическую картину экстаза пресловутаго „свальнаго грѣха“.

Рѣзкимъ диссонансомъ по отношенію ко всѣмъ предшествовавшимъ отзывамъ и характеристикамъ диссертациі г. Коновалова прозвучали возраженія послѣдняго частнаго оппонента—Московскаго епархіальнаго противосектантскаго миссіонера И. Г. Айвазова. Онъ началъ съ характернаго признанія, что къ диспуту подготовиться онъ не успѣлъ, вслѣдствіе неизвѣстности и неожиданности дня диспута, а съ диссертацией ознакомиться надлежащимъ образомъ не имѣлъ возможности, вслѣдствіе отсутствія ея въ продажѣ. Такъ какъ въ этомъ признаніи сквозило довольно недвусмысленное обвиненіе не только г. Коновалова, но и всего Совѣта Академіи въ якобы намѣренномъ замалчиваніи такого важнаго диспута, то г. Айвазовъ получилъ, во первыхъ, справедливое разъясненіе отъ предсѣдателя Совѣта—Пресвященнаго Ректора Академіи, а во вторыхъ, фактическое опроверженіе и отъ г. Коновалова ¹⁾).

¹⁾ Пресвященный Ректоръ разъяснилъ оппоненту, что по силѣ дѣствующаго академическаго устава назначеніе сроковъ для диспутовъ зависитъ отъ Ректора Академіи.

Не можемъ, кстати, не отмѣтить здѣсь и особой свисходительности, проявленной къ частному оппоненту, публично заявившему, что къ диспуту онъ не готовился и съ книгой почти не знакомъ. Намъ передавали, что когда аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ Московскомъ Университетѣ—одинъ изъ неофициальныхъ оппонентовъ проф. П. только-что началъ-было свое возраженіе словамъ: „къ сожалѣнію я не успѣлъ ознакомиться съ Вашей книгой“... то онъ тутъ же былъ остановленъ покойнымъ деканомъ проф. Троицкимъ: „а, Вы не успѣли ознакомиться съ книгой! Такъ я лишая Васъ слова: потрудитесь прежде изучить книгу, а потомъ ужъ и возражайте на нее“. Примѣръ, безусловно достойный подражанія.

Какъ-бы иллюстрируя свое слабое знакомство съ книгой магистранта, г. Айвазовъ началъ возраженія не съ нея, а съ рѣчи г. Коновалова. Въ этой рѣчи онъ усмотрѣлъ двѣ серьезныхъ вины автора: во первыхъ, *материализацію* имъ даже и психологической стороны русскаго мистическаго сектантства. а, во вторыхъ, огульное обвиненіе всѣхъ сектантовъ въ *алкоголизмъ*. Пытаясь дать нѣкоторую аргументацію этимъ своимъ обвиненіямъ, г. Айвазовъ по первому изъ нихъ указалъ на нѣсколько такихъ мѣстъ изъ рѣчи г. Коновалова, въ которыхъ говорится о первобытно-материалистическомъ воззрѣніи сектантовъ на благодать св. Духа („ловятъ ртомъ св. Духа“, „другъ въ друга вдуваютъ духъ“). По второму пункту— онъ сослался на проведенную авторомъ рѣчи параллель между сектантскимъ экстазомъ и алкогольнымъ опьяненіемъ и на прямое его упоминаніе о сектантахъ-алкоголикахъ. При этомъ г. Айвазовъ не преминулъ даже заступиться за сектантовъ, сказавъ, что если въ чемъ либо еще, то въ употребленіи спиртныхъ напитковъ русскіе сектанты могутъ быть заподозрѣны всего меньше.

Отвѣчая на эти возраженія, г. Коноваловъ сдѣлалъ, прежде всего, ихъ общую характеристику, сказавши, что они основаны на полномъ непониманіи его словъ и на извращеніи ихъ подлиннаго смысла. Въ частности, его рѣчь не даетъ ни малѣйшаго основанія говорить о какой-то материализаціи душевныхъ процессовъ; наоборотъ, и тема рѣчи, и все ея содержаніе, и, наконецъ, прямое опредѣленіе сущности

Съ своей стороны, г. Коноваловъ указалъ, что о днѣ диспута неоднократно сообщалось въ нѣсколькихъ, наиболее извѣстныхъ Московскихъ газетахъ (напр. „Русск. Вѣд.“ № 254, „Голосъ Москвы“ № 254, 1908). Къ этому слѣдуетъ добавить, что книга г. Коновалова немедленно по выходѣ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ (1-го Сент. 1903 г.) поступила для продажи во всѣ главнѣйшіе книжные магазины, такъ что ко дню диспута была уже отмѣчена газетной рецензіей (Рус. Вѣд. № 214). что, наконецъ, раньше особаго выпуска, она въ теченіи почти двухъ лѣтъ печаталась въ видѣ отдѣльныхъ статей въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ и, слѣдовательно, была открыта для научной любознательности каждаго, дѣйствительно интересующагося ею. Отзвы объ этихъ статьяхъ помѣщались не только въ общей богословской прессѣ (напр., въ „Богосл. библи. листкѣ“, при „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“— Май—Іюнь 1907 г. с. 245—278), но и въ спеціальной миссіонерской (напр. „Миссіонерское Обозрѣніе“, Іюнь 1907 г. с. 963).

экстаза, какъ своеобразнаго душевнаго волненія—все это ясно говоритъ о совершенно противоположномъ. Если же, гѣмъ не мѣняе, онъ употребляетъ при этомъ и нѣкоторыя чисто физическіе образы, то, во первыхъ, пользуется здѣсь подлинной сектантской терминологіей, а во вторыхъ, характеризуетъ такимъ путемъ сектантское-же мировоззрѣніе, а отнюдь не свое собственное. Что же касается вопроса о сектантскомъ алкоголизмѣ, то и здѣсь г. Айвазовъ непорочно спуталъ двѣ совершенно разныхъ вещи: одно дѣло предъавлять сектантамъ огульное обвиненіе въ пьянствѣ, о чемъ не было рѣшительно никакого упоминанія въ „рѣчи“, другое—говорить о бывшемъ алкоголизмѣ или тяжелой алкоголической наслѣдственности нѣкоторыхъ сектантовъ—экстатиковъ, что, дѣйствительно, допускаетъ авторъ, и, наконецъ, совершенно иное—устанавливать лишь параллелизмъ между двумя явленіями—сектантскимъ возбужденіемъ и алкогольнымъ опьяненіемъ, поводъ къ которому даютъ опять сами же сектанты своими „приточными“ сравненіями.

Переходя, далѣе, къ самой книгѣ диспутанта, г. Айвазовъ больше всего упрекалъ автора за то, что тотъ, задавшись цѣлью охватить весь сектантскій міръ, остановился лишь на одной физической сторонѣ, и притомъ, не индивидуальнаго, а коллективнаго экстаза, чѣмъ, по взгляду оппонента, авторъ будто-бы доказалъ, что отрицаетъ всѣ другія стороны въ сектанствѣ и смотритъ на него грубо матеріалистически. Диссертация же, вслѣдствіе этого, оказывается будто-бы чуждой богословскаго характера.

Но, предъавляя диспутанту столь серьезное обвиненіе, г. Айвазовъ не далъ своимъ мыслямъ строгой логической формулировки, почему и мы затрудняемся передать ихъ, подобно предыдущимъ, послѣдовательно и связно. Насколько припоминаемъ, г. Айвазовъ особенно упрекалъ автора за то, что онъ изслѣдовалъ физическія явленія сектантскаго экстаза даже во всѣхъ ихъ деталяхъ, а внутренней сущности экстаза, самой души его не уловилъ, тогда какъ, именно, въ ней-то и заключается вся суть дѣла. Въ подтвержденіе этого, онъ сослался на свою бесѣду съ Козьмой Рябыхъ, судившимся въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ по обвиненію въ хлыстовствѣ, и съ благодарностью вспомнилъ даже

французскаго писателя Флобера, который въ своемъ известномъ сочиненіи „Искушеніе св. Антонія“ смотритъ-де на вещи глубже ¹⁾).

Въ отвѣтъ на это обвиненіе Д. Г. категорически заявилъ, что оно совершенно неприложимо къ его диссертаци, на заглавномъ листѣ которой ясно и опредѣленно ограниченъ ея предметъ. Таковымъ оказываются *исключительно* физическія явленія сектантскаго экстаза, и странно было-бы въ книгѣ съ такимъ заглавіемъ трактовать о „душѣ экстаза“. По намѣченному авторомъ плану, психическимъ проявленіямъ экстаза будутъ посвящены дальнѣйшіе выпуски изслѣдованія. Началь же онъ не съ нихъ, а съ физическихъ, главнымъ образомъ, потому, что методъ восхожденія отъ нагляднаго и простаго къ болѣе отвлеченному и сложному признаетъ самымъ цѣлесообразнымъ. Полнымъ недоразумѣніемъ со стороны оппонента считаетъ авторъ и обвиненіе въ небогословскомъ характерѣ диссертаци. Въдѣ физиологическія явленія сектантскаго экстаза изслѣдуются въ ней не изолированно отъ ихъ природной религіозно-психологической почвы, а въ связи съ послѣдней, какъ, именно, явленія *религіозныя*, поскольку сами сектанты считаютъ ихъ дѣйствіями Св. Духа въ человѣкѣ.

Отъ обвиненія автора въ злоупотребленіи физиологіей, оппонетъ, по какой-то неуловимой ассоціаци, перешелъ къ противоположному обвиненію — сталъ упрекать автора за чрезмѣрное увлеченія психіатріей, которая, какъ известно, есть наука о „душевныхъ“ болѣзняхъ. Ясно, что этимъ вторымъ возраженіемъ оппонентъ опровергалъ свое первое и вообще самъ же дискредитировалъ ихъ оба. Объясненіе такого грубаго внутренняго противорѣчія въ возраженіяхъ г. Айвазова нужно искать въ его плохомъ знакомствѣ съ книгой, благодаря чему, за отсутствіемъ собственныхъ возраженій, ему пришлось прибавляться чужими, къ тому же и не всегда правильно воспринятыми и часто ложно освѣщенными. Особенное пристрастіе обнаружилъ онъ къ возраженіямъ проф. Солокова, нерѣдко искажая ихъ до степени карикатуры, что

¹⁾ Ссылка на дѣло Козьмы Рябыхъ особенно неудачна здѣсь, такъ какъ Козьма Рябыхъ, несмотря на всѣ усилія г. Айвазова, выступавшаго въ роли эксперта, обвинять его въ хлыстовствѣ, судомъ былъ оправданъ.

вызвало невольный смѣхъ въ рядахъ публики. Не понимая истиннаго смысла этого, въ сущности безобиднаго смѣха, г. Айвазовъ какъ то наивно оскорблялся и требовалъ себѣ свободы слова, которой никто и не думалъ его лишать. Однако эта самая свобода послужила ему скорѣе во вредъ, чѣмъ на пользу, такъ какъ она еще больше обнаруживала слабое знакомство оппонента съ диссертацией и даже вскрыла нѣкоторые непростительные промахи въ спеціальной для него области сектовѣдѣнія. Усиливаясь, напр. отстоять личность „свальнаго грѣха“ у сектантовъ, г. Айвазовъ ссылался на дѣла о Радаевѣ, которыхъ, какъ выяснилось изъ преній, онъ лично не видалъ. Но въ этихъ источникахъ и рѣчи нѣтъ о „свальномъ грѣхѣ“ сектантскихъ радѣній, а приводятся лишь факты самаго обыкновеннаго разврата. Равнымъ образомъ, сославшись во время преній на секту какихъ-то „иссопниковъ“, якобы развивающихъ особое воззрѣніе на Св. Духа, онъ не могъ ни указать надежныхъ источниковъ, откуда онъ черпаетъ такія свѣдѣнія о названной сектѣ, ни вообще дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ доказательствъ самаго ея существованія, рѣшительно отрицаемаго диспутантомъ. Яркимъ же примѣромъ поверхностнаго знакомства оппонента съ диссертацией было заявленіе, будто въ ней ничего не говорится о скопцахъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тамъ приводится множество фактовъ изъ жизни этихъ сектантовъ.

Изъ болѣе мелкихъ возраженій г. Айвазова намъ припоминается его указаніе на одинъ пропускъ въ диссертации, именно, въ отдѣлѣ о глоссолаліи, гдѣ автору, по мнѣнію оппонента, слѣдовало бы, во избѣжаніи могущаго произойти соблазна, сдѣлать рядъ полемико-миссіонерскихъ примѣчаній объ истинной и ложной глоссолаліи. Диспутантъ отвѣтилъ, что такія примѣчанія выходятъ за рамки его спеціальной задачи и могутъ служить предметомъ особой, чисто миссіонерской работы, заняться которой онъ и порекомендовалъ самому г. Айвазову, какъ миссіонеру по спеціальности. Наконецъ, оппонентъ не постѣснился преподать указаніе и всему Совѣту Академіи въ томъ смыслѣ, что ему надлежитъ воздержаться отъ присужденія г. Коновалову магистерской степени за чисто клиническое изслѣдованіе и подождать выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ его

труда, когда онъ дастъ именно то, что нужно для нихъ, миссіонеровъ, и чего они желаютъ и ждутъ отъ профессоровъ Духовныхъ Академій.

Въ заключеніе не въ мѣру затянувшагося диспута,—закончился онъ около часу ночи—на нѣсколько минутъ слово взялъ проф. Петербургскаго Университета—И. Д. Андреевъ, который съ большимъ подъемомъ и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозвался, какъ о диссертациі Д. Г., такъ и о Московской Академіи, имѣющей возможность выпускать подобныя диссертациі и потому заслуженно пользующейся высокой репутаціей у русскаго образованнаго общества и русской университетской науки.

Вслѣдъ за этимъ, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ мнѣнія всѣхъ присутствующихъ на диспутѣ членовъ Совѣта, единогласно признавшихъ защиту диссертациі удовлетворительной, объявилъ Д. Г. Коновалова магистромъ богословія, при дружныхъ, долго не смолкавшихъ аплодисментахъ всей аудиторіи.
